

ЮРИК

Детство для меня – это Петроградская сторона, это мощеная бульжником улица Блохина и большой пустырь под окнами дома, в котором прошли первые годы моей жизни.

Пустырь этот был для меня целым миром, таинственным и притягательным: бетонные кольца, в которые забирались мы, играя в прятки, кучи щебня, самодельный турник, ватага сверстников моих, с которыми мы играли в фантики, в футбол, в войну и в чехарду, устраивали «кучу-малу» и велосипедные гонки.

В играх этих никогда не принимал участия мальчик с изуродованным, покрытым синими и малиновыми пятнами лицом, он часами стоял на краю пустыря и молча наблюдал за нами.

Мальчик этот не был нашим товарищем, никто из нас никогда не разговаривал с ним, не звал принять участия в наших играх и даже не знал его имени. И дело не в том, что его обожженное, обезображенное лицо вызывало у нас отвращение, нет, мы просто также привыкли к его тоненькой одинокой фигурке, как к старому тополю в нашем пыльном дворе.

Я помню лишь одну его попытку присоединиться к нам. Я был тогда «пятной», все кривлялись вокруг меня, хлопали в ладоши. Мальчишка, которого я догнал, пригнулся, рука моя прочертила воздух, все засмеялись. Мне стало обидно. И вдруг я увидел, что мальчик с обожженным лицом, смешно подпрыгивая, размахивая руками и всем своим видом выражающий крайнее веселье, удовольствие и желание вступить в игру, торопится мне навстречу.

– Дурак, – сказал я ему.

Мальчик как-то сразу вдруг сник, ссутулился и медленно побрел прочь.

Настроение у меня испортилось, я перестал играть и ушел домой. Весь этот день перед глазами моими стояла фигурка обиженного мною мальчика, Сознание его абсолютной незащитности давило меня, острая жалость к нему преследовала меня повсюду. Я твердо решил подойти завтра к мальчику, извиниться перед ним и предложить ему свою дружбу.

На следующий же день я сразу же заметил его на обычном месте, он стоял рядом с кучей строительного мусора на краю пустыря. Робость помешала мне приблизиться к мальчику сразу. Потом я убеждал себя в том, что для этого нет подходящего повода, на самом же деле я просто стеснялся его. Позже, когда мы играли в пятнашки и мне пришлось «водить», я решил подбежать к мальчику, запятнать его и вовлечь в игру. Но заметив, что я ему приближаюсь, мальчик испуганно попятился. Я растерялся и бросился в обратную сторону.

Вечером я снова клялся себе в том, что уж завтра-то обязательно извинюсь перед мальчиком, но у меня опять не хватило на это смелости. Так продолжалось несколько дней. Угрызения совести начали потихоньку меня

покидать, внимание мое отвлекли другие события, и я снова перестал обращать внимание на обиженного мною мальчика.

Вскоре на наш пустырь пришла несправедливость. Большие мальчики захватили центр площадки, провели огромную жирную черту и предупредили нас, что любой, кто посмеет ее пересечь, будет отвечать «по законам военного времени». Каждый день они расширяли свои владения, оттеснив нас, в конце концов, под самые окна дома. Большие мальчишки гоняли по пустырю мяч, возились друг с другом, а главное, бдительно охраняли свои завоевания.

Однажды они обратились к нам с предложением вступить в их «армию». Двое «угнетенных» с готовностью отозвались на призыв «завоевателей» и перешли на их сторону. Не скрывая злорадства своего, наблюдали мы за тем, как «обучали» старшие мальчики своих «солдат» «строевой подготовке», как заставляли они их ползать, передвигаться на четвереньках, подносить мячи и прыгать на одной ножке.

Это был первый в нашей жизни урок элементарного предательства, не вызвавший в нас, однако, ни злобы особой, ни ненависти, но навсегда выработавший чувство брезгливой жалости и гадливости по отношению к подобным людям.

Мальчик с обожженным лицом ничего о последних событиях не знал, мы давно уже его не видели, он, возможно, болел или ездил отдыхать куда-нибудь со своими родителями. А в этот день он появился на улице, пересек «границу» и спокойно побрел по пустырю.

Один из «завоевателей» подскочил к мальчику:

– А это что еще за уродец, – захохотал он, схватил мальчика за воротник и отшвырнул к своему приятелю, тот сильно толкнул мальчика в спину, и он отлетел к следующему.

Я увидел как мальчик вдруг изловчился и ударил одного из своих мучителей. «Захватчики» тут же сбили свою жертву с ног, опрокинули мальчика лицом в лужу и завернули ему руки за спину.

И тогда я схватил камень и бросился мальчику на помощь. Остальные ребята, подхватывая на ходу палки и осколки кирпичей, неслись вслед за мной.

Большие мальчишки попятились и застыли на приличном расстоянии.

Я первым подбежал к мальчику, обнял его и закричал:

– Это мой друг, слышите, это мой самый лучший друг, кто посмеет его тронуть, тот будет иметь дело со мной.

Но ребята и не собирались мальчика обижать, они хлопали его по плечам и протягивали руки, а он, напуганный, только крепче ко мне прижимался.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Юриком, – ответил он еле слышно.

– Ничего не бойся, – сказал ему я, – ты теперь всегда будешь играть с нами.

Юрик подошел к мячу и несмело пнул его ногой, один из мальчиков отпасовал мяч обратно. И тогда, несмотря на то, что одежда Юрика была в грязи, а с его нижней губы стекала по подбородку кровь, мальчик улыбнулся.

И, честное слово, пусть никогда прежде у Юрика не было друзей и никогда столько ребят не пожимало ему руку, самым счастливым человеком на пустыре был все-таки не он.